

МО ЛЕНКОР

ВЕРДАНСКИЕ ЛИСЫ

18+ 18+

Мо Ленкор

Верданские лисы

«Автор»

2026

Ленкор М.

Верданские лисы / М. Ленкор — «Автор», 2026

От неё легко потерять голову — она красива, талантлива и, кажется, создана для любви. Вот только каждое её свидание заканчивается одинаково: неловкостью, ужасом и катастрофой. Каждый мужчина, оказавшийся рядом, рано или поздно жалеет о том, что однажды её повстречал. Случайность? Невезение? Или проклятье, которое тянется за ней долгие годы? И вот, когда она почти смирилась с тем, что любовь для неё невозможна, появляется он — мужчина, о котором она мечтала всю жизнь. Только теперь ей предстоит узнать: он её спасение или следующая жертва её проклятья?

© Ленкор М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1

5

Мо Ленкор

Верданские лисы

Глава 1

Вур, материк Грантер, республика Астеруйя, 2520 цикл с Великого разлома

— Я проклята, — выдыхаю и кошусь на занявший половину моего стола чемоданчик, в котором Дарла хранит свои «сокровища».

— Ганя, ну что за настрой! — Дарла чуть отстраняется от моего лица, внимательно изучает его и набирает на пушистую кисточку очередную порцию рассыпчатой массы изумрудно-зелёного цвета. — Ты впервые за... за сколько, кстати?

— За пять циклов, — нехотя признаюсь я.

Спина затекла от долгого сидения, я разминаю плечи и заодно отодвигаю подальше от края одну из раскрытых палеток, которые вместе с тюбиками из чемоданчика расплзлись не только по столу, но и добрались до подлокотника дивана.

Уборка — последнее, чем я сейчас хочу заниматься.

— О ужас! Ну, в смысле не ужас, конечно, хотя... прости, подруга, но это всё-таки ужас: за пять циклов ни разу не вывести вот эту красоту, — она ловит у моего виска рыжеватую волнистую прядь и проводит кисточкой по воздуху, словно обводит изгибы тела, — на свидание.

— Ты прекрасно знаешь, почему я не ходила на свидания. — Я морщу нос и фырчу. — Потому что я прок...

— Тс-с-с, — Дарла подносит кисточку ближе к губам.

Её идеально уложенная стрижка пикси подчёркивает длинную шею и изящные уши. В левом ухе пустует место обручальной серьги, но выше мочки все сияет от россыпи мелких камней и причудливых линий металла.

Одну из серёжек Дарла прямо сейчас крутит пальцами. Когда в детстве мы с ней что-нибудь вытворяли, она всегда так делала перед тем, как с убедительным видом что-то наплести матери. Дарла замечает мой взгляд, отдёргивает руку и прячет её за спину.

— Я хочу сказать, что ты нагнетаешь, и вовсе это не проклятие, а просто, ну... лёгкое невезение...

Я выгибаю бровь.

— Ну, ладно. Просто невезение. — Она плюхается на диван рядом со мной.

— Мне напомнить тебе, что Барри, от которого я была без ума, когда нам было по шесть, рассёк бровь об угол стола, пытаюсь меня поцеловать?

— Ну подумаешь, заплелись ноги, с кем не бывает? В шесть мы все, знаешь ли, не отличались ловкостью.

— До этого они у него никогда не заплетались, — хмурюсь я, вспоминая, как мы играли и часами носились друг за другом, и я ни разу не замечала за Барри никакой неловкости. — Ну, допустим, Барри подвели ноги, а как насчёт Далана? То есть у тебя не вызывает никаких подозрений внезапно заболевший у него живот? И мы будем делать вид, что все дальнейшие события тоже случайны?

Я даже вспоминать не хочу о том позоре.

— А-а-а, ты про то, как его вывернуло на глазах у всех сразу после поцелуя с тобой? — Дарла хихикает. — Здорово его, конечно, тогда фонтануло!

Она поворачивается ко мне, прикрывает рот руками и прочищает горло:

— Прости, прости, это вовсе не смешно. Ни капельки. — Словно в противовес своим словам Дарла поджимает губы. — Ну, ты же помнишь, что перед этим мы без спроса стащили

злиттер и хорошенько его надегустировались? По сколько нам вообще было? По двенадцать? После того вечера плохо было не только Далану, меня вообще отец запер дома на целую декаду.

Я провожу рукой по лбу.

— Эй! — Дарла шлепает меня по руке, выхватывает из чемоданчика кисточку покрупнее и проходится ей там, где ещё несколько секунд назад была моя рука, — я тут что, зря стараюсь?

— Прости... — Я откидываю голову на спинку дивана и смотрю на бирюзовый потолок.

Этот оттенок слегка успокаивает неприятное волнение, поднимающееся откуда-то из моего желудка всё выше. Я шарю справа рукой, приподнимаю с дивана фиолетовую подушку, под ней пусто, как и под розовой, а вот под жёлтой я наконец нащупываю спрятанный на подобный случай батончик. Откусываю от него кусок.

— Так и знала, что до этого дойдёт, — усмехается Дарла. — Ничего, губы покрасим позже.

— Ладно, этих двоих ещё можно списать на стечение обстоятельств, но Миэль... — я обращаюсь куда-то в потолок и пережёвываю следующий кусок.

— Кстати, а что с ним стряслось? Никто из вас так и не проговорился, но я помню, что он пропал на месяц, а когда вернулся, шарахался от тебя, словно боялся подцепить вздохovou лихорадку!

Я возвращаюсь в тот момент. Провожая меня до дома, Миэль, высокий светловолосый Миэль, который так долго уговаривал меня пойти с ним на свидание, Миэль, с которым я провела один из лучших вечеров в своей жизни, прижал меня к себе, спустил с наших лиц защитные маски и страстно поцеловал меня, как никто до него. А потом я вспоминаю, что произошло после, и бабочки у меня в животе в очередной раз обжигают крылья и перестают порхать.

— Когда мы гуляли, он... оступился и провалился в люк! В люк! — Я взмахиваю руками и роняю их на ярко-зелёную обивку. — Да ты вообще слышала хоть об одном человеке, провалившемся в люк? Люки же все заблокировали. А тут открытый, да ещё в самом центре Астеруи! Как же я перепугалась тогда... Повезло, он смог зацепиться за остатки лестницы, но всё-таки сломал руку.

Я мрачней ещё сильнее, потому что у меня в голове звучат слова, сказанные Миэлем после этого. Слова, заставившие меня прореветь не одну тень¹.

«А ведь всё, что про тебя говорят, правда. А я ещё не верил... Знаешь, пожалуйста, тебе лучше никогда ни с кем не встречаться. Держись от меня подальше, пожалуйста, просто держись от меня подальше».

— Эй, ну ты чего нос повесила! Ты же не виновата, что он под ноги не смотрел!

Я усердно жую, заглушая горечь во рту фруктовой сладостью. Сглатываю.

— Ага, и в том, что случилось с Варларом, не виновата?

— Конечно, не виновата! — Дарла подсакивает с дивана, её черный, с мятными в тон волосам вставками костюм, выделяется на фоне полосатых, выкрашенных в пастельные тона стен. — За то, что Варлара избили по пути к тебе, отвечают только те подонки, что это сделали, и уж точно не ты! Тебя даже рядом с ним не было!

В глазах мутнеет от слёз, грудь сдавливает:

— Мы собирались пойти на наше первое свидание, он мне та-а-ак нравился! Так нравился...

— Этот пескоед с тобой даже не объяснился после этого и растрепал всем, что ты «проклятая»! Ну какая же чушь... Так ему и надо!

¹ **Тень** на планете Вур, где происходит действие, — аналог нашей ночи, тёмное время суток, по освещению больше похожее не на привычную нам черноту ночи, а на время между сумерками и полной темнотой. Отсюда и название. Свет на Вуре — аналог нашего дня, светлое время суток.

Я всхлипываю.

— Дарла, таких случайностей не бывает!

Она вновь падает на диван и крепко меня обнимает.

— Ну тише-тише, ты чего! Ты просто как героиня из сказок. Чтобы тебя добиться, герой должен пройти испытания, а все прошлые просто были тебя не достойны, если сложили лапки и поджали хвосты при первых же трудностях!

— Даже моя ма... — дыхание перехватывает, но я утыкаюсь Дарле в плечо и продолжаю:

— Моя родная мать отказалась от меня при рождении... Она продала меня! Даже после этого ты скажешь, что я не проклята?

Плечо Дарлы напрягается, и она впервые не находится с ответом. Я заглядываю в бледно-зелёные глаза, они на несколько тонов светлее моих и без примеси охры. Её брови ползут вверх, а рот открывается и закрывается, но потом она наконец произносит:

— Ты никогда не говорила...

Я вытираю слёзы с ресниц, размазывая по лицу всё, над чем Дарла так усердно колдовала последний час. Выпрямляю спину и иду в ванну. Я никогда не красилась и, если я недостаточно для него хороша, то пусть просто уйдёт, и, возможно, тогда моё проклятие обойдёт его стороной.

Я безжалостно плещу на лицо воду. Спустя несколько секунд пришедшая в себя Дарла появляется в проходе ванны. Она с жалостью наблюдает за тем, как её труды смывает поток воды.

— Ганя, слушай, пусть Телпа тебе и не родная мать, но она лучшая мать, какую я знаю. Да мы все тебе завидовали! Тебя ведь даже ни разу не наказали, что бы мы ни вычудили, даже когда мы изрисовали косметикой Телпы половину вашей квартиры, помнишь?

Я хмыкаю, я с детства обожала рисовать. Телпа тогда лишь потрепала меня по голове, сказала: «художница ты моя» и купила мне планшет, а я с того момента потеряла всякий интерес к её косметике.

— Спорим, и после того случая со злиттером тебе даже не влетело. — Мне и правда не влетело. — Посмотри на себя, она дала тебе всё: ты можешь одеваться так, как захочешь...

Я оглядываю идеально сидящий на мне и сшитый на заказ костюм оттенка, что называется «дикий розовый».

— ...Ты живёшь в этой роскошной квартире, — она проводит рукой по рельефной, имитирующей волны, ультрамариново-синей стене ванной, — ты скоро станешь, как и Телпа, знаменитым архитектором, да разве это проклятие? Да это чистой воды удача! Кто знает, где и кем бы ты сейчас была, не откажись от тебя твоя «родная» мать!

Я знаю где. Телпа даже устроила нам встречу, но материнских чувств у той неопытной женщины ко мне так и не возникло, она лишь окинула меня неприязненным взглядом и сообщила, что я копия своего отца, и, пожалуй, ей следовало бы, как она и планировала, избавиться от меня ещё до рождения. Эти слова пробили брешь в моей обороне, пусть я никому и не показала этого.

А когда я спросила про отца, она сообщила мне, что «этот мерзавец, к счастью, уже сдох» и я могу не тратить время на его поиски. Я обхватываю себя руками.

— Ты же в курсе, я безумно люблю Телпу и счастлива, что она забрала меня, но это не отменяет того факта, что я...

— Прекрати! С таким настроением это свидание обречено на провал. Остаётся надеяться, что Куэйн так легко не сдастся.

— Ага...

По правде говоря, я даже не понимаю, нравится ли он мне. Просто он оказался самым упорным и весь последний цикл в Центре искусств вился вокруг меня, а я так устала быть одна...

— Подруга, ну ты чего? Бодрее! — Дарла несколько раз проводит руками по моим.

— Я же не умру старой девой, правда? — Я с надеждой смотрю на Дарлу через зеркало.
— Мне двадцать два, а у меня ни с кем ничего...

— Ну конечно, нет! Ты же красотка, да ты только полюбуйся! — Она подмигивает и тепло улыбается, а я критически изучаю свою пятнистую от веснушек кожу.

— Если бы я с утра забыла нарисовать лицо, — Дарла приваливается к косяку, — то распугала бы всех прохожих, а ты даже без косметики выглядишь, как... да даже сравнить не с кем! В общем, будь я мужиком, я бы давно взяла тебя в оборот.

Она смеётся, я тоже.

— Ой, не прибедняйся. — Я выхожу из ванны и утягиваю её за собой. — Лучше признайся, что тебе просто нравится скупать все эти бесконечные баночки, тюбики и коробочки и прятать их в этом бездонном сундуке.

— Ладно, что есть, то есть. Только поверь мне, этот «сундук», — Дарла подходит к столу и проводит по чемоданчику рукой, — мой билет в страну вечной молодости и красоты. Однажды, когда ты станешь дряблой, пусть и миленькой старушенцией и станешь вымаливать мои секреты, я просто так не сдамся! — Она угрожающе качает пальцем. — Тебе придётся спроектировать мне дом... ну или хотя бы хорошенько накормить. И даже не мечтай подкупить меня одним из своих безвозвратно портящих фигуру батончиков.

Я улыбаюсь, несколько секунд изучаю её разноцветные ногти и перехожу на серьёзный тон:

— Прости, что я разнылась и вывалила это всё на тебя. Просто боюсь, что всё опять закончится ужасно...

— Для чего ещё нужны друзья? Тем более ты ноешь, по-моему, впервые с нашего знакомства, раньше мне всегда казалось, что все эти дурацкие слухи про проклятье вообще тебя не беспокоят. — Дарла подхватывает кисточку и палетку. — Обновим?

Я лишь качаю головой.

— Может, тебе на всякий захватить что-то из лекарств? — Дарла раскрывает зеркальце, подносит его к лицу и водит по розовеющим на глазах щекам пушистым шариком.

Мне это точно без надобности, моя кожа, словно индикатор неловкости. Она за секунды может менять оттенки от сливочного до пунцово-красного.

Крышечка зеркала захлопывается, а я бросаю Дарле раскрытую сумку. Она заглядывает в неё.

— Да тут прямо переносная аптечка, та-а-ак, что тут у нас, — она читает название на этикетке, — противорвотное, от головной боли, даже набор для перевязки... Подруга, прости, но ты будто не на свидание собираешься, а на курсы оказания первой помощи.

Вздыхаю, их я тоже прошла перед тем, как согласиться куда-либо идти с Куэйном. Время на настенных часах неумолимо движется вперёд.

Хватит оттягивать неизбежное, он вот-вот будет здесь.

Я надеваю на голову обод набка². Перед глазами появляются привычные линзы очков, жаль, что они прозрачные и не способны скрыть от окружающих мою неуверенность.

— Стейки здесь отменные, — Куэйн распиливает тонкий, почти сливающийся с тарелкой кусок мяса. Почему-то я вспоминаю слова Дарлы о том, где я могла быть, если бы Телпа не забрала меня. На всю Астеруйю всего несколько мест с «живой» кухней, большая часть населения республики может позволить себе лишь еду из тюбиков. Они называют их паками.

² Набк — специальное устройство на голове, похожее на обруч или на средневековую диадему, проходит на уровне висков. Под ним очки дополненной реальности. Включает встроенную камеру.

Мне приходилось покупать паки во время обучения. По сравнению с «живой» едой, недостатка в которой благодаря Телпе я никогда не испытывала, это просто безвкусная масса, способная лишь забить желудок в момент крайней необходимости.

— Говорят, каждое утро у них поставка напрямую с Вердов, — продолжает Куэйн.

Если мясо привозят сюда с островов, это объясняет, откуда здесь такие цены. «Астерна» — самое дорогое место во всей Астеруе, а я столько ем, что, если бы сейчас до ужаса не стеснялась, зная, что оплачивать счёт не мне, то вместо совершенно неаппетитно размазанного по тарелке пюре уже уплетала что-то вроде стейка Куэйна, и одного мне было бы явно недостаточно.

Он выглядит так соблазнительно, что я мило улыбаюсь и целюсь вилок в один из сочных кусочков мяса на тарелке напротив, но не успеваю подхватить его.

— Рангана, дорогая, ты тоже хочешь? — Куэйн нежно берет меня за руку. — Сейчас я закажу тебе. Только, пожалуйста, никогда не трогай мою еду. Я всегда заказываю ровно столько, сколько хочу съесть.

Он, не слушая возражений, заказывает стейк и мне. Что-то вполголоса добавляет официанту, но от бурлящего внутри раздражения я даже не вслушиваюсь в его слова. Не проходит и двадцати минут, как с кухни приносят горящим голубым огнём стейк. Эффектная подача, только после слов Куэйна она уже меня не впечатляет, как и вкус мяса, но я механически работаю челюстями, чтобы скорее от него избавиться. Кажется, Куэйн наблюдает за каждым моим движением, от этого волокна великолепно прожаренного мяса словно превращаются в зубы, цепляющиеся за горло.

— Не попробуешь соус? — спрашивает он.

— А? — Я замечаю горку винного цвета в углу тарелки, у Куэйна такой не было. Заинтригованная, я макаю в неё очередной кусок мяса. — М-м-м...

Вкуснейший соус обволакивает все вкусовые рецепторы, я уже подношу вилку, чтобы набрать его побольше и замираю, не донеся её до цели.

— Стой, а как ты узнал, что я люблю ягодный? Ведь тут другая подача... Разве нет?

Куэйн отводит глаза и стряхивает невидимые пылинки с рукава:

— Было нетрудно догадаться. Все девушки любят сладкое, — он пожимает плечами.

Ничего не все, Дарла вот обожает острое.

Я не вступаю в бессмысленный спор, тем более он и правда удачно угадал. Не проходит пяти минут, как я последним кусочком стейка пытаюсь доскрести оставшуюся на тарелке бледную полосу соуса.

Справившись с задачей, я поднимаю глаза и сжимаю вилку крепче.

О ужас, он всё это время что, наблюдал, как я ела?

— Ты такая красивая. — Куэйн придвигается ближе и запрокидывает выпавшую прядь мне за ухо, этот жест выжимает шестёрку из десяти по моей шкале неловкости: щёки горят, и я прижимаю к ним холодные ладони. — Ты так долго избегала меня, что я уже думал, у меня нет шансов.

Он улыбается, вряд ли он на самом деле так думал. Один из самых симпатичных парней нашего потока: у него короткие светлые волосы с удлинённой чёлкой, пряди на ней выборочно тонированы в недавно вошедший в моду фиолетовый оттенок, Куэйн отлично сложен и стильно, пусть и немного пресно, одевается; я не интересовалась, кто его родители, но раз мы здесь, то проблем с уникайнами у них точно нет, и он точно не привык к отказам. Его не остановила и сотня моих.

А ещё с ним до сих пор ничего не случилось.

Может, я и правда не проклята, или у моего проклятия есть срок годности, и он истёк?

— Но раз мы здесь, давай теперь без игр. Мы идеально подходим друг другу, ты тоже скоро это поймёшь.

Теперь пожимаю плечами я. Я не никогда с ним не играла, а подходим ли мы друг другу, покажет лишь время. К счастью, Куэйн не давит, а возвращается к еде. Пока он не торопясь жуёт, моё внимание привлекает лазерно-жёлтая сумочка женщины, сидящей позади него.

Какой потрясающий цвет.

Я максимально незаметно нажимаю кнопку на наоке и делаю кадр. Чуть позже я найду, где её можно купить.

— Рангана, ты что, сейчас сделала кадр с кем-то из гостей позади нас? — Куэйн хмурит брови.

— Что? Нет, конечно, нет. Я просто обожаю необычные цвета, а у той женщины сумочка просто восхитительного оттенка.

Куэйн оборачивается, женщина замечает наше внимание и опускает сумочку на пол. Когда Куэйн вновь смотрит на меня, его брови практически встречаются друг с другом.

— Дорогая, теперь мы вместе, и я думаю, тебе стоит одеваться чуть более сдержанно, мой отец — член Совета, и я боюсь, для него это... — он смотрит на мой костюм, — слишком смело.

Теперь уже хмурюсь я.

Его отец в Совете.

И ему не понравится мой стиль.

Только я уже не девочка, которую можно дразнить за то, что она отличается. Если после каждой волны слухов о моём проклятии мне не хотелось даже выходить на улицу, то глупые шутки по поводу яркой одежды меня никогда не цепляли, а их авторы тут же вылетали из круга моего общения.

В нашем мире и так слишком много серости, чтобы я стала одним из миллиардов тёмных пятен.

— Мы пока не вместе, но даже если и будем, какое отношение к тому, как я одеваюсь, имеет твой отец?

— Рангана, надеюсь, мои слова тебя не обидели? Ты прекрасна в любой одежде. Твои глаза с нашей первой встречи сводят меня с ума, а твои волосы... тебя и без ярких костюмов просто невозможно не заметить в толпе. Я лишь хочу сказать, что с работой отца наша жизнь постоянно привлекает внимание репортёров.

— И? — я смягчаюсь, но не собираюсь облегчать ему задачу.

— Ты права, я перегнул. — Его пальцы поглаживают мою руку. — Всему своё время. Расскажи лучше, какой проект ты сейчас так активно продвигаешь? Я слышан о твоей настойчивости. — Он подмигивает мне.

— Ну, толку от этой настойчивости пока мало, но сейчас, смотри...

О любимой работе я могу говорить бесконечно, так что я пользуюсь случаем и показываю ему эскизы проекта, который, я надеюсь, поможет многим семьям из бедных районов покупать жильё, не влезая в такие безумные долги, как сейчас. Ведь мне удалось в несколько раз сократить площадь квартир за счёт двухуровневой планировки, ну и разумной организации пространства, где не остаётся ни одной «мёртвой» зоны.

Только проблема в том, что я всё бьюсь и никак не могу получить финансирование, потому что, похоже, всех устраивает текущее положение дел и «сокращения долговой нагрузки населения» нет в ближайших планах.

Куэйн отмечает, что идея отличная и его отец по удачному стечению обстоятельств прямо сейчас ищет новый благотворительный проект. Им вполне может стать мой. Мне не стоит волноваться, он всё решит. А ещё Куэйн удивлён, откуда я вообще знаю о проблемах в неблагополучных районах.

Я ссылаюсь на новости и умалчиваю о том, что на этот проект меня вдохновила встреча с биологической матерью. Тогда я своими глазами увидела, как живут люди в бедных районах.

После разговора с ней я бездумно брела по улице. Брела между домов, словно вылепленных из спрессованного пепла, среди таких же, как и дома, безнадежно выгоревших и унылых прохожих. Песчаный ветер с Пустоши щипал лицо — внутри меня тоже завывал ветер. В том месте, где раньше пряталась девочка, убеждённая, что мир добр и прекрасен, что мамы должны любить своих дочерей, а конец всегда счастливый, образовалась пустота.

Сначала я не особо разбирала дорогу, но потом взгляд начал цепляться за лица, оранга уже потеряла цвет, и включилась подсветка. Она словно сделала все углы острее. Моё и без того ноющее сердце каждый раз сжималось от вида худеньких, с тёмными провалами вместо пухленьких щёчек детей. С серьёзным видом по одному или небольшими компаниями они брели куда-то совершенно одни.

Костюмы некоторых были с заплатками — причём порой одна заплатка перекрывала другую, — у других, обычно на коленках или локтях, зияли ничем не прикрытые дыры. Многие из детей кашляли, а ещё они постоянно тёрли глаза. Я крутила головой, а в ней роились панические мысли, и пока я гадала, чем могу им помочь, по привычке достала из сумки батончик и начала жевать.

Ко мне приближались двое ребят постарше, я немного выдохнула, заметив наоки хотя бы у них, но тут же сжалась, потому что в их взглядах встретила столько неприкрытой неприязни. Я даже обернулась, но оба смотрели прямо на меня.

— Они там совсем у себя в центре зажались, это что, новый аттракцион? Прогулка по трущобам? Где прячется твоя охрана, а, крошка? — с вызовом бросил один из них. Его достаточно симпатичное лицо портила лишь россыпь прыщей и оставшихся от них рубцов.

— Смотри, как жрёт, а... Нет бы обычный пак притащила! Не-е-ет. Она батончик повкуснее, специально издевается, — присоединился его друг, пялясь на меня, а я чуть не подавилась. — Чё, ждёшь, когда мы на колени упадём и начнём умолять тебя поделиться? Щас! Не дождёшься!

Хоть они оба и были младше циклов на десять, но уже вытянулись и обогнали меня ростом. Они нависли надо мной, ожидая ответа. А я только в этот момент осознала, насколько серьёзно вляпалась, прогуливаясь одна. Я стояла и судорожно кашляла. То ли от нервов, то ли от того, что батончик прошёл не в то горло, я чуть не выплюнула на той улице свои лёгкие.

— Походу, какая-то болезная... — Отвернулся и сморщился прыщавый паренёк. — Пошли отсюда. Чё с неё взять...

И тут я поняла, что лишь я сама смогу вернуть к жизни ту девочку, что верила в добро. Я сглотнула и пропихнула страх подальше.

Они всего лишь голодные дети.

Очерстевшие, как и мир вокруг них.

Ко мне вернулся голос, я окликнула их, а когда меня не услышали, догнала. Дрожащей рукой я протянула им пару завалявшихся в сумке батончиков:

— Хотите?

Сколько же недоверия было в их глазах... Словно они думали, что я поманю их, а потом убегу, только с учётом длины моих ног это было бы довольно проблематично.

— Э-э-э, ну пасиба. — пробурчал куда-то себе под нос парень с прыщами на лице. — Мы один возьмём.

— В смысле один?! — Друг пихнул его локтём. — Лин, ты чё, сбрендил? Да нам, может, раз в жизни так подфартило!

— Лучше мелким дай. — Лин махнул головой в сторону, откуда за нами следили трое ребят помладше.

— Вот же обло-о-ом... — протянул его друг, но спорить не стал.

В итоге я раздала детям все запасы батончиков, что были при мне. Они забрали даже надкусанный. Я хотела купить что-то ещё, но они такие радостные унеслись прочь, что я не успела их остановить.

И тогда я решила, что должна помочь таким, как они, и их родителям чем-то посерьёзнее батончиков. Пусть моей биологической матери не нужна ни я, ни моя помощь, ни моё общество, кроме неё на окраинах живут миллионы других людей.

— Они ничем не хуже нас, просто им повезло чуть меньше, — говорю я Куэйну.

Он соглашается и тоже рассказывает про свой последний проект и о том, что ещё до завершения обязательной отработки в Центре искусств несколько корпораций предложили ему должность архитектора у них в штате. Сначала я думаю, что дело в связях его отца, но, изучив внимательнее все материалы, меняю мнение. У него определённо талант. А ещё, когда он рассказывает о работе, на его губах появляется лёгкая улыбка.

Надо дать ему шанс.

Он подсаживается ближе, чтобы мы вместе могли смотреть в его планшет, я осознаю это, лишь когда его рука ложится мне на поясницу. В первое мгновение напрягаюсь, но приятное тепло от его ладони расходится по телу. Он болтает и придвигается всё теснее. Ноздрей касается свежий, с ноткой горечи запах, не отталкивающий, а мужской, достаточно притягательный.

Куэйн нажимает на какую-то кнопку на столешнице, после чего парк за окном пропадает — стекло чернеет, на тёмном полотне остаются лишь мелкие прозрачные точки, сквозь них с улицы проникает свет.

— Словно звёздное небо, — вслух поражаюсь я, глядя на окно.

— Ага, это ещё не всё, погоди, — его дыхание касается моего уха.

Подсветка над нами выключается, а центр нашего столика раскрывается.

Вжих, и оттуда вырываются язычки пламени, словно мы сидим у костра и нет немногочисленных посетителей вокруг.

Рядом со мной мужчина. Довольно привлекательный мужчина. Он прижимает меня к себе, и у него даже не болит живот. Правда, пламя со стола придаёт его глазам нездоровый блеск.

— Закажи мне какой-нибудь десерт. — Мне просто необходимо чем-то занять рот.

— Хочешь сладкого? — Шепчет он мне в губы.

Нет-нет-нет, да-а-а.

Его губы касаются моих прямо среди зала. Он так близко, его дыхание обдаёт меня жаром, язык ласкает мой. То, что происходит между нами, лишь физиология. Я не чувствую ничего необычного, но это неплохо, это даже приятно. Он на секунду прерывает поцелуй, жмурится и сжимает кулаки.

— Как же долго я этого ждал... Моя, — его голос слегка дрожит, а потом Куэйн, не давая мне опомниться, снова набрасывается на мои губы.

Мужская ладонь жадно шарит по моей спине.

Проклятие и правда исчезло.

Внутренне я ликую, хочу сильнее развернуться к нему и случайно задеваю локтем что-то на столе. Тут же ловлю предмет второй рукой. Я отрываюсь от губ ничего не понимающего Куэйна и отупело гипнотизирую лезвие, остриём упирающееся ему в брюки. Я поднимаю руку, и алые капли стекают от моей сжатой в кулак ладони вниз по запястью.

— Рангана, но как? — Куэйн аккуратно забирает нож. — Твоя рука в крови, нам надо в госпиталь, сейчас я рассчитаюсь.

— Сиди. Я в порядке. У меня в сумочке всё есть.

В туалете я обрабатываю руку. Ничего серьёзного, специальный состав быстро склеивает порезы. Для надёжности я накладываю повязку, по инструкции она нужна лишь на ближайшие полчаса. Спасибо курсам первой помощи, всё занимает у меня от силы несколько минут.

Довольная собой, я улыбаюсь собственному отражению.

— Ну что, проклятие, я тебя уделала? Он меня поцеловал. Дважды. И вовсе не пострадал, ха! — Я выпрямляю спину и уверенной походкой, которую мы с Дарлой долго репетировали, шагаю к нашему столику.

Куэйн изучает повязку.

— Вот это да, не зря ты проходила те курсы... Ты точно в порядке?

— Да, точнее некуда, — я улыбаюсь ему, а он глазами впивается в мои губы. — А откуда ты знаешь про курсы?

— Ты же сама как-то говорила. — Он тут же переключается с меня на проходящего мимо официанта.

Пока я судорожно пытаюсь вспомнить, кому в Центре искусств я могла говорить о курсах первой помощи, ведь об этом не знала даже Дарла, Куэйн заказывает нам коктейли. Вспомнив, что записалась на курсы в перерыве между лекциями, я расслабляюсь.

И когда я успела стать такой подозрительной?

Да и откуда ещё он, в самом деле, мог об этом узнать...

Должно быть, он просто услышал, когда я отдавала команду голосовому помощнику.

Нам приносят коктейли. Они прохладные, сладкие и лишь слегка отдают злиттером, но на третьем в ногах появляется слабость, а меня наполняет решимость. Теперь я сама тянусь к его губам.

Один раз живём.

Этот поцелуй долгий, глубокий... С намёком, нет, даже с уверенной заявкой на продолжение. Бокал в руке потряхивает от волнения, и я проливаю часть содержимого Куэйну на брюки.

— Прости, — говорю я без нотки сожаления.

Я не узнаю смелую женщину, которая берёт в руки салфетку и, не отрывая взгляда от глаз Куэйна, трёт его брюки. Он чуть отодвигается от стола, чтобы мне было удобнее.

— Знаешь, я никогда не верил этим бредовым слухам, что про тебя распустили. Не сомневаюсь, кто-то из твоих бывших решил тебе насолить. Ну какое ещё проклятье?

Я, словно ошпарившись, отдёргиваю руку от его штанов и бросаю сжатую в комочек салфетку на стол.

— Но я не верил, и не зря, такая горячая девочка.

После этих слов меня пробирает стыд и отвращение, я оглядываюсь по сторонам и, словно вижу себя чужими глазами.

До чего я докатилась?

От отчаяния позволила малознакомому мужчине целовать себя на глазах у всех. А у меня ведь даже нет к нему чувств.

Пора всё это заканчивать.

К нам приближается официант с подносом. Теперь не тот, что обслуживал наш столик, а гораздо моложе. Он старается держать фирменную выправку, но видно, как жилы на кисти под подносом вздулись от напряжения, а улыбка на его лице выглядит крайне неестественной.

Видимо, новенький.

Он смотрит то на горящий голубым огнём стейк, то куда-то мне за спину и не замечает лазерно-жёлтую сумочку, стоящую на полу. Дальше всё словно в каком-то дурацком фильме.

Официант спотыкается, стейк летит прямо на Куэйна. По спине пробегает озноб, и меня примораживает к месту, потому что я наблюдаю за его падением. В первую секунду я радуюсь,

что всё обошлось, но Куэйн подскакивает и шлёпает себя по брюкам. Пламя яростно пожирает ткань.

Женщина с соседнего столика выплёскивает на Куэйна содержимое своего стакана, после этого пламя вспыхивает с удвоенной яростью, Куэйн по-девчачьи визжит и уносится в туалет, а я мгновенно трезвею.